

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

**Двойной угар, или
Охота на павиана**

«Автор»

Кивинов А. В.

Двойной угар, или Охота на павиана / А. В. Кивинов — «Автор»,
— (Улицы разбитых фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Кивинов

Двойной угар, или Охота на павиана

Штамп – снаряд для чеканки враз чего – либо, нпр. денег.
Владимир Даль

От автора

Категорически заявляю, что все от первой до последней буквы – правда! Никаких случайных совпадений, никакого вымысла. Хватит говорить намеками и прятаться за липовыми вывесками. Читайте, узнавайте, думайте!

Глава 1

Я вырубил его с первого раза.

Обычно он вырубался со второго, а то и с третьего. Искрил, шипел, норовя ударить своими вольтами и амперами. Давно бы следовало его заменить на более мирный, домашний. Чтоб «щелк» – и темно.

Согнувшись, я на ощупь дополз до своего спального места и вытянул ноги. Кайф! День выдался ужасно тяжелым, и я надеялся уснуть быстро и крепко, несмотря на колющую боль в правой пятке. Детская травма.

Мешавший на первых порах, а теперь ставший таким родным шум в трубах усыплял лучше всякого снотворного. Я в блаженстве повернулся на бок, подложил ладони под голову и закрыл глаза. Спокойной ночи, мой дорогой друг Флавиан Арнольдович, спокойной ночи...

Во сне я увидел маму. Молодую, веселую. На экране нашего старенького «Сигнала». «Санкт-Петербург, универсам „Таллиннский“». Что думают домашние хозяйки о вкусе „Рамы“? Ах, эта „Рама“! Немного жестковата для сосны, но зато как обстругана!

Ни одной занозы! А какие шпингалеты, петельки... Ра-а-ма-а-а!»

Мама ела раму. Хороша рама.

Я был вынужден проснуться. Точно помню, что ложился я в темноте. Сейчас же мои глаза шурились от шестидесяти свечей лампы дневного света. Самовозгорание? Барабашка?

– А у тебя здесь ничего. Не то что у других. Не Барабашка. Я резко повернул голову и... Вот как раз «и» мне сделать не удалось. Ни руками, ни ногами. Конечности были намертво прикручены белым пластырем к продольным брускам моего лежбища. Мама ела раму. Крепко спишь, сынок.

– Да ты не дергайся сильно, отдыхай. Вот она, беспечность. Плюс лень-матушка. Давным-давно пора было сменить замок. Только наши отечественные замкостроители умудряются делать ригели из силумина. Силумин, к слову, не прочнее теннисного шарика. А теперь, похоже, из меня будут делать теннисный шарик. Во всяком случае, прикрутили меня не для того, чтобы сотворить оздоровительный массаж ноющей пятки.

«Массажистов» оказалось двое. Один запоминался своими ломаными ушами, второй – засунутым за ремень пистолетом. Хотя, в целом, они выглядели славными ребятами, которых чуть портили улыбки.

«Москва, Новоарбатский универмаг. Что думают домашние хозяйки о вкусе „Рамы“?»

Ага, они еще и телевизор без спроса включили. А кто за свет заплатит?

Ломанухий, заметив укор в моих глазах, вежливо поинтересовался:

– Ну что, очухался, убогий? Давно бомжуешь? Показал бы я, кто из нас убогий, кабы не... Ах, чего теперь, сам виноват. Интересно, кто меня застучал? Вроде некому. А... Вспомнил. Я сам себя и застучал. Вчера трубу прорвало, пришлось ее сплющить, стучал на весь дом... Нет чтоб сантехника вызвать. Конспирация. Допрыгался. Быстро, однако, они меня...

«Продолжаем наше ток-шоу „Зуб за зуб“ в рамках программы „Синие лица России“. Напоминаем, что у нас в гостях...»

– Это уже неинтересно. – Человеко-пистолет щелкнул «лентяйкой». – Ну что, любезный? Не очень ручки затекли? Ты уж извини, это мы на всякий случай. Народ-то сам знаешь какой, чуть что – сразу за весло.

– Что вам надо? – гордо свернув шею, бросил я.

– Да вот пришли. Мы глядим, ты неплохо устроился. Автоответчик работает?

Не дождавшись моего ответа, он утопил кнопку «плей».

«Здравствуйте. Флавиан Арнольдович в настоящую минуту, к сожалению, в дерьмо пьян. Оставьте сообщение после сигнала».

– Работает, надо же. А как подключился? К жильцам, что ли?

«Ну не к электро же сети», – зло подумал я, пытаясь отодрать пластырь. Безуспешно. Ребята дело знали. Руки-ноги словно срослись с брусьями.

Вы, наверное, хотите узнать, что там за брусья? Отвечаю. Это брусья носилок, которые я использую в качестве кровати. Чрезвычайно удобно, хочу заметить. Носилки были старыми, возможно, моими ровесниками, но еще вполне прочными в отличие от меня. Я обнаружил их в дальнем углу подвала год назад, как только въехал в новые апартаменты. А переспав на них первую ночь, я отказался от какой-либо другой кровати. Каким образом носилки оказались в подвале, я, разумеется, понятия не имею. Впрочем, лет десять назад здесь размещалось бомбоубежище и...

– Что у тебя за имя такое? Флавиан? Еврей, что ль?

– Ты чего, Васек? – усмехнулся второй. – Еврей в подвале?

– Ну, подвал не подвал, а процессор-то 486й.

– Слышь, Флавиан, ты где компьютер скоммуниздил? На фи́га он тебе?

– В мусорке нашел. В «Дум-2» по вечерам режусь.

– А мы вот тоже хотим предложить тебе поиграть. В «Дум-3». Ты тут один обитаешь?

– Послушайте, кто вы такие? Да, я живу один, живу тихо, никого не трогаю, никому не мешаю. Если вам надо мое имущество, забирайте и уходите. Оставьте только носилки.

– Ладно, мужик, кончай бузить. Наше дело маленькое. Взяли, понесли... С тобой поговорить хотят.

– Кто?

– Тот, кто нас сюда прислал. Да ты не переживай. Если все нормально будет, вернешься на свои носилки и будешь дальше блох кормить. Васек, кончай с факсом баловаться, тут и правда блохи. Хватайся. Времени в обрез.

Мне наложили еще две липкие повязки. На рот и на глаза. Спасибо, мужики, что не выкололи.

Пока меня ногами вперед тащили по узкой лестнице, я лихорадочно шевелил извилинами, пытаясь вспомнить слова второго куплета квиновской «Богемской рапсодии». Нет, никак. Не та обстановка.

Несмотря на пластырь, я определил, что на дворе еще ночь, идет моросящий дождь и очень хочется по-малому.

Скрипнули дверцы, меня загрузили в какой-то транспорт, дверцы снова скрипнули, и мы тихонько тронулись.

Что ж, есть время расслабиться. Мои похитители, словно забыв про меня, тренировали мозги загадками.

– Сидит девица в темнице, а коса – на улице.

– Не, не знаю. Сдаюсь.

– Василиса Прекрасная проворовалась. Ха-ха-ха! «Морковка, – с грустью подумал я. – Да, вырождается поколение. Скоро не будут знать, кто такой Ньютон-Лейбниц».

– Так, теперь моя очередь. Отстирает даже то, что Другим не под силу. Ну?

– «Тикс»!

– Хрен тебе! Это «Ариэль». С липосистемой.

Если б мои руки не были прилеплены, я бы заткнул уши. Позорище! Не отличить «Тикса» от «Ариэля»! Куда, куда мы катимся?

Ладно, каждый свою дорогу выбирает сам. Однако, если честно, мне эта история перестает нравиться. Кажется, это вовсе не те, кого я боялся и от кого прятался. Во-первых, пластырь. Что, у налоговой полиции нет наручников? Глупости. Во-вторых, налоговая полиция всяко отличит «Тикс» от «Ариэля», и в-третьих, Зачем везти меня на носилках? Клеить рот и глаза?

Вы, наверное, опять терзаетесь вопросами. От кого я прячусь и при чем здесь налоговая полиция? Увы, теперь уже нет смысла что-то скрывать. Надеюсь, вы поймете меня и простите. Я укрываюсь от уплаты налогов. А что делать?

Два года назад я получил факс из Северного Батута – это верх Африки, – что какой-то мой давний родственник, в молодости женившийся на северной батутке, будучи при смерти, завещал мне свое бунгало стоимостью полтора миллиона долларов. Завещал и умер. Я сначала прыгал по своей квартире, словно батут на батуте, целовал факс, хлопал шампанским и орал, как болельщик на матче «Милан» – «Ювентус». Но через пару часов мой бурный восторг обернулся таким же бурным расстройством. И не только желудка.

Оказывается, лет десять назад, в связи с горбачевской перестройкой, Северный Батут разорвал всякие дипломатические отношения с нашей державой, отозвал послов и студентов, вытурил из своих пределов граждан Страны Советской. Но мой родственник каким-то образом там задержался. Впрочем, это, в конце концов, их дело. Бунгало-то, надеюсь, получить можно?

– Увы, – ответили мне в Министерстве иностранных дел. – Максимум, что мы можем для вас сделать, – это сфотографировать вашу недвижимость со спутника-шпиона и прислать открытку. Стоить это будет около пяти тысяч условных единиц – у.е.

– Спасибо, – ответил я, – на пять тысяч у.е. я построю бунгало здесь, на Карельском перешейке или в Синявино.

– Что же касается продажи вашего имущества заочно, то сами понимаете, пока это сделать невозможно. Но вы не волнуйтесь. По нашим сведениям, в Батуте нет преступности и никто ваше наследство не разворует.

– Но мне-то как быть?

– Ждите, когда у них сменится власть.

Вот так ответили мне в МИДе, и я в сердцах отправился в ближайший спортзал колотить грушу.

Но, как выяснилось, на этом ничего не закончилось. Спустя два месяца ко мне постучался вежливый юноша в камуфляжной форме и с маской на мордашке и вручил ма-а-аленькую бумажку. Слово «постучался» в моем изложении носит уменьшительно-ласкательный оттенок. Представьте, что в панельно-бетонном доме в три часа ночи кто-то начинает Долбить пробойником стену, дабы повесить портрет Умершей бабушки. Тук-тук-тук... Войдите.

Бумажка оказалась нечем иным, как повесткой в налоговую инспекцию. Я надел лучший костюм и отправился в указанное учреждение.

Легкий трепет, с которым я вошел в кабинет, за время общения с инспектором плавно перерос в тяжелый инфаркт.

– Товарищ, а почему вы уклоняетесь от налога на недвижимость?

– Какую недвижимость?

– Как это какую? А бунгало стоимостью полтора миллиона у.е.? Вы в курсе, что ежегодный налог на недвижимость составляет два процента? А ну-ка, прикиньте.

Я прикинул и схватился за сердце. Тридцать тонн! А мне и опомниться не дают.

– Платить собираетесь? Да, кстати. Вам уже набежал штрафик в три тысячи, так что с вас, дорогой наш человек, тридцать три тонны.

Но я не тот малый, что сдается без боя. У человека всегда есть выбор. Либо позорно бежать, либо умереть с честью.

– А что, если я не буду платить?! Девушка устало поправила волосы, извлекла из бумажных недр красно-белую брошюру и процитировала:

– «На первый раз – штраф, на второй раз – год» на третий раз – три года...»

У человека всегда есть выбор. Я предпочел позорно бежать. Я подозреваю, что выгляжу подлецом в ваших глазах, но и вы меня поймите. Мотать срок за какой-то северобатутский

сарай, который к тому же я никогда не видел, а может, и не увижу? Платить ежегодно тридцать тонн недобитым демократам?

При коммунистах членские взносы платили, но хоть знали во имя чего. Во имя светлого будущего. А здесь?

Впрочем, что толку митинговать? Я попрощался с барышней, сказал, что пошел снимать деньги со сберкнижки, и скрылся за дверью с твердым намерением обратно не возвращаться.

Вернуться пришлось через две недели в сопровождении все тех же саблезубых юношей в камуфляже, которые встретили меня возле подъезда и предложили прокатиться с ними. Юношей было много, а меня мало, поэтому я согласился.

На первый взнос предполагалась пойти моя квартира и часть домашней утвари, которую внесла в протокол описи юная наложница. Я не стал ждать судебного решения и попытался во второй раз трусливо бежать.

Быстренько продав квартиру через подставное лицо, я купил новые апартаменты в другом районе и, потирая от удовольствия руки, стал мечтать о североба-тутских женщинах. Мечты оборвал звонок в дверь.

– Здравствуйте, милый наш Флавиан Арнольдович!

– Здравствуйте, дорогие мои мальчишки! Я понял, что у мальчишек нюх на утаенные налоги натренирован лучше, чем у китайской собаки чау-чау – на гималайских медведей.

– Ну что, дальше бегать будем?

– А кто бегаёт? Я просто поменялся. Здесь воздух чище.

Меня повезли в суд. Откуда я снова сбежал, двумя легкими касаниями выключив конвой. Все, обратной дороги не было. Впереди меня ждало подполье, а дома – засада. Без денег, без теплых вещей, без пищи, поруганный и униженный, я стоял под проливным ГОРОДСКИМ дождем на троллейбусной остановке и смотрел в крайнее правое окно первого этажа огромного дома. Они бы хоть шторы задвинули, что ли. Когда там вдоволь нарезовились, я опустил голову и понуро побрел куда глаза глядят, напевая первые ноты пьесы Грига «Пещера горного короля».

Такая вот история. Уже год, как я живу в бывшем бомбоубежище, в простонародье – бомжую. Наверное, я бы погиб, если б в свое время не прошел отличную школу выживания. Я сумел быстро адаптироваться, почувствовать среду и, в конечном итоге, неплохо устроиться. Без микроволновки и телефона на первых порах было трудно, но человек привыкает ко всему. Когда же у меня появился старенький факс, я радовался как ребенок. Странная все-таки штука наша жизнь. Сегодня ты умираешь на необитаемом острове, лежа на песке, не зная, как открыть последнюю банку сгущенки, а завтра ты с буйным восторгом носишься по берегу, потому что нашел гвоздь.

Единственная проблема, которая волновала меня в настоящий момент жизни, – это блохи. Крайне мерзкие твари. В моей бывшей квартире до сих пор сидела засада, иногда, возвращаясь ночью к тому дому, я слышал вырывающиеся из моего окна звуки широкой русской души и ломаный голос Оззи Осборна. Они слушают мои записи, они читают мои книги, они... Периодически к окну подходил человек в маске и внимательно оглядывал двор. Почему они носят маски? Ну, понятно, не Алены Делоны, но и не хорьки все ж...

Транспортное средство трянуло на бугорке.

– Четыре братца под одной крышей?

– Ну, ты дал, Васек! Чтоб братва, да еще под «крышей»?!

– Козел, это стол. Гони сотенную.

«Нет, это не налоговая, – возвратился я из воспоминаний. – Хотя бы потому, что без масок. Но кто тогда? Куда меня везут, что хотят? Бандиты? По замашкам вроде фраера, но точно не фраера. 486-й процессор с лету определили».

Машина остановилась. Дверца скрипнула. Меня понесли. Несли минут пять. Наконец поставили вертикально и отлепили с глаз пластырь. Финский галоген резанул по глазам. Я тряхнул головой, смахивая набежавшую слезу, осмотрелся.

Комната была довольно уютна, по крайней мере, не хуже моего подвала. В ней не было окон, зато имелись лепной камин, пара светильников под древность, огромное кресло-трон, офисный стол с компьютером, принтером и телефоном и, наконец, подлинник кисти неизвестного мастера прошлого века. На холсте полуголый мужик валил из лазерного бластера ужасного морского дракона.

Мой правый глаз, пришедший в себя быстрее левого, заприметил на троне какого-то недоразвитого мужичка средних лет. На недоразвитость указывала его одежда. Нормальный человек не будет наряжаться в костюм Петра Первого.

– Ну, здравствуй, Флавиан. Извини, дорогой мой, за такое обращение, но что делать!

– У-У-У – – Рот мой по-прежнему был залеплен липучкой.

– О, конечно, конечно. – Гражданин в петровском сарафане поднялся из кресла и отодрал пластырь вместе со щетиной. Я облегченно выдохнул.

– Слушай, ты, урод натуральный! Что за маскарад с липучками?

– А тебе идут носилки. Никогда не замечал?

– Зато тебе пошел бы музей восковых фигур.

– Обидеть человека легко, а вот понять его душу... Ты, вероятно, удивлен. Тебя, какого-то вшивого бомжа, среди ночи вытаскивают из подвала и везут на прием к самому царю. ~ В милиции разберутся, кто из нас царь! ~ Не надо хамить. Я действительно царь. У нас не так много времени, иначе я рассказал бы тебе подлинную историю семьи дома Романовых. Поверь, мой мальчик, в истории множество белых пятен, заполнять которые очень неблагодарное занятие.

Затрещал селектор. Царь нажал кнопку.

– Ваше величество, все будет готово через сорок минут.

– Прекрасно, Александр Данилович. Да, вот еще... Свяжись, пожалуйста, по факсу с Голицыным, завтра мы тоже работаем.

– Понял, ваше величество.

«Еб...тые», – подсказала мне интуиция.

– Не совсем, – возразил царь. – Я – Петр Пятый, помазанник волей Господа, единственный законный наследник Российского престола.

«Лепишь горбатого, ох, лепишь», – еще раз подтвердил мой инстинкт. – Смирительная рубашка тебя заждалась, Петруха».

Да, так я не ответил на твой вопрос. Почему вдруг государю великому понадобился бомж. Взгляни сюда. – Их величество повернуло ко мне дисплей Компьютера и щелкнуло клавишей. На экране возникла до боли знакомая заставка к «Думу». Затем герой поднял пистолет и, ведомый естественным чувством самосохранения, почесал к выходу из лабиринта, по пути отстреливая всякую поэту – и потустороннюю нечисть.

– Это игра. Очень интересная, – комментировал царь-батюшка. – Называется «Дум». Это как бы ты, у тебя пистолет, и ты должен найти выход из лабиринта. У тебя множество врагов, они прячутся за каждым углом и тоже вооружены. Если ты не будешь стрелять, ты погибнешь. Смотри.

Пистолет на экране замер, головоногий эмбрион с мордой козла принялся щелкать челюстями, герой уныло закричал, экран замерцал кровавым цветом и через несколько секунд полностью превратился в красную тряпку.

– Вот видишь, ты погиб.

«Потрясающий малый, – подумал я. – Везти меня привязанным к носилкам, чтобы показать довольно устаревший вариант компьютерного развлечения».

– По пути герой может находить новое оружие, боеприпасы и кое-какие подсобные средства. Интересно?

– Очень. Для учеников пятого класса средней школы.

– Согласен. Поэтому взгляни теперь. Царь-батюшка вышел из игры и загрузил какую-то программу.

На экране появилась схема лабиринтов с движущимися по ним точками – одной красной и пятью зелеными. Точки ползали довольно хаотично, но вдруг зеленая, оказавшись в общем коридоре с красной, резко пошла на сближение.

– Теперь смотри внимательно. – Пальчик помазанника щелкнул по кнопке.

Схема пропала, и возникло видеоизображение коридора. Он представлял собой обычную клетку гостиничного типа с множеством дверей, но гораздо мрачней. Ни ковров, ни светильников, одни сороковаттки на торчащих из стен проводах. Из глубины коридора прямо на меня бежал силуэт какого-то детины, плохо различимого из-за низкого освещения. Неожиданно в нижней части экрана появилась рука с пистолетом, точь-в-точь как в «Думе», и замерла буквально на секунду. Пистолет прыгнул вверх, пламя осветило бежавшего человека. Ну и рожа, хочу я вам сказать.

Человек, по-видимому, засмеялся, вскинул к бедру какую-то дубину, скорее всего помповое ружье, и засандалил в ответ. В меня. Ну, не в меня, в того парня, что держал пистолет.

Картинка пару раз перевернулась вокруг собственной оси и замерла, демонстрируя лампочку и кусок потолка.

Царь вышел из программы.

– Ну как, понравилось?

– Неплохо снято. Довольно натурально.

– Именно, друг мой, именно. Достоверность стопроцентная. Потому что... Ха-ха, потому что это не съемки фильма. Того, с пистолетом, действительно убили. Это видеозапись предыдущей игры, выведенная на дисплей.

– Какой игры?

– «Дума», юноша, «Дума». Живого «Дума». В который я и предлагаю тебе поиграть.

Кажется, я стал врубаться в идею. Ох, царек, да ты большой оригинал!

– Я так полагаю, что заменить усопшего товарища должен я.

Вы, Флавиан, необыкновенно догадливы. Книжки-то читаю. Похвально.

Ваше величество, а кем был мой предшественник, если не секрет?

– Конечно нет. Он тоже был бомжом.

– А-а-а... Понятно теперь. Бомжа никто не спохватится, никто не заявит о его пропаже, если что...

– Вы мне нравитесь все больше и больше. Однако давайте не будем терять времени, до старта осталось всего двадцать пять минут. Я хочу объяснить вам условия.

– Ах, еще будут и условия?

– Разумеется. Итак, вы – красная точка. Объект охоты. Зеленые точки – охотники. Они сейчас ждут старта и разминаются. Их пять человек. Вооружение и костюмы они выбирают сами. Арсенал, надо сказать, весьма велик. От арабского кривого ножа до гарпунного ружья. Есть автоматы, помповые ружья, пистолеты... Даже бензопила.

– Вы безмерно обрадовали меня...

– Не перебивайте, Флавиан, а лучше внимательно слушайте. Среди охотников имеется одна женщина.

Так уж получилось. Обычно в игре участвуют только мужики. Впрочем, присутствуют в ней и другие лица. Назовем их обслугой. Имейте в виду, это не всегда отрицательные персонажи, а поэтому не ухлопайте кого-нибудь с перепугу.

– Если я правильно понял, у меня тоже будет то, чем хлопать?

– Совершенно верно. Но вы должны знать, во всех компьютерных играх герой начинает с минимума и уже по ходу дела добывает себе более мощное оружие.

– И каков этот минимум?

– Имеется небольшой выбор. На ваш вкус. Газовый баллончик, газовый пистолет и...

– Газовая камера, – закончил я.

– Не смешно, – не оценил шутку царь. – И дубинка. Выбирайте.

– Пистолет.

– Хорошо, но в нем только один патрон.

Час от часу... Хотя против помповухи, что это, что то...

– Далее. Игра начнется ровно в три ночи и будет продолжаться три часа. Общую картину игры смогу наблюдать только я. Для этого вам на голову наденут специальный шлем с видео-камерой и передатчиком.

– Не тяжело ли будет?

– Не тяжелее кроличьей шапки. Не рекомендую, кстати, пытаться его снять. При такой попытке ваша остроумная головушка лопнет как мыльный пузырь.

– Пластиковая взрывчатка?

– Она самая. Теперь о вашей задаче. В течение трех часов, Флавиан, вы должны найти выход из лабиринта. Он единственный. Выскочить из окна не пытайтесь, я слежу за вами и, если что, нажимаю кнопочку. Как только вы пересечете линию выхода, шлем автоматически разблокируется, и вы можете смело снимать его. Но... Самое неприятное для вас. Если вы не уложите в три часа, сработает взрывное устройство.

– Да чего уж тут неприятного? Быстро и со вкусом. Царь упорно пропускал мои реплики мимо своих коронованных ушей.

– При этом вы должны учитывать, что за вами охотятся.

– Спасибо, учту.

– Это основное, что я хотел вам рассказать, Флавиан. Если есть вопросы, я готов ответить.

– Конечно есть. Кто-нибудь из моих предшественников находил выход?

– К сожалению, им всем не везло. Это были слаборазвитые подданные, чьи способности ограничивались поиском бутылок в мусорных бачках. Они не работали головами, поэтому их и лишили. А в «Думе» надо думать.

– Где мы находимся?

– Какая вам разница? Здание довольно велико. В нем тридцать этажей, подземные гаражи, имеется даже бассейн. Но сейчас в доме, кроме участников игры, никого нет. И повторяю, выход – всего один.

– Охотники тоже бомжи?

– Ну что вы! Стать охотником очень дорогое удовольствие. Не все могут себе это позволить, только очень богатые персоны. Но удовольствие стоит того.

– И последний вопрос, ваше превосходительство...

– Величество.

– Ну да. Скажите, ваше величество, вы в каком ПНД1 на учете состоите? (ПНД – психоневрологический диспансер) Помазанник располагающе улыбнулся, приподнял полы своего гренадерского кафтана и встал с кресла-трона.

– У нас есть еще несколько минут, Флавиан, так что я успею ответить. Я абсолютно нормальный человек. Без всякой душевной патологии. Вы никогда не задумывались о том, что составляет основу человеческой жизни? А я вот однажды задумался и понял. Основу жизни составляют эмоции. Любовь, деньги, власть? Ради чего? Только ради эмоций. Лишенный эмоциональных переживаний человек превращается в Ай-Би-Эм, совмещенную с санузлом. А представьте себе жизнь нашего среднестатистического гражданина. Его распорядок дня утрабован прошедшими годами, общественными устоями и всеобщими потрясениями. Этот чело-

век давно уже не живет, а следует по течению реки вместе с пассами Кашпировского и засыпает у экрана под сводки военных действий. Однообразие и рутина. Не хватает специй, понимаете, Флавиан?

– Ну, лично мне хватает.

– Не спешите с ответом, Флавиан. Когда я был маленьким, моя мама часто водила меня в кукольный театр...

– О-о-о, – перебил я. – Дальше не надо, ваше величество. Знаю я вашего брата маньяка. Накуролесите, наворочаете, а потом еще и теорию под это дело придумаете. Или прибавочной стоимости, или нового Будды. Отведите меня лучше в сортир.

– Сам найдешь, – зло ответил помазанник. – Кое-где есть исправные унитазы.

– Вы не боитесь, ваше величество, плохо кончить? Допустим, я выберусь и все расскажу властям?

– Тебе поверят, Флавиан?

«Не поверят, ни за что не поверят. Царь Петр Пятый, жертва, охотники, „Дум“... Хитер, однако, бестия».

– Хорошо, ваше величество, хорошо. А вы знаете, что самое трудное в жизни? Это решиться на поступок, сделать шаг. Ты ходишь, мучаешься, думаешь, терзаешься, а шагнуть не можешь. И как здорово, если именно в эту минуту рядом появится человек, который поможет вам. Я подозреваю, у вас не было такого человека. Доверьтесь мне, ваше величество, я и есть тот самый человек. Давайте вместе наберемся смелости и сделаем шаг! Забыв о прошлом, забыв о ложном стыде. Пойдемте, ваше величество, к психиатру. Вы со своей бедой, я со своей. У меня вот глаз что-то дергается...

– Хватит, Флавиан. Осталось пять минут.

– А если я не пойду?

– Что значит «не пойдешь»?

– У человека всегда есть выбор – либо с гордостью умереть, либо позорно бежать.

– Тогда я объясню, что тебя ждет. Твои почки уйдут на трансплантацию южнокалифорнийскому магнату. Твою печень, если она не испорчена циррозом и желтухой, пересадят одной голливудской звезде, из твоих костей сделают «Педигри комплит меню», а твоя... ха-ха-ха превратится в крем для лица «Синержи».

Черт! Я представил, как блондиночка на желто-голубом фоне мажет свои морщинки моей «ха-ха-ха-хой». Ладно б я был при этом жив, тогда, конечно можно.

– Не, царь, ты натуральный маньяк, извини за откровенность. И вот еще что, запомни. Я тебя все равно достану, где б ты ни прятался и кем бы ни нарядился. А когда я тебя достану, ты...

– Покойник. Неоригинально, Флавиан. Они все так говорили. Прощай, Флавиан. Поверь, мне было приятно с тобой пообщаться, хотя теперь придется проводить дезинфекцию.

«До свидания, ваше величество», – ответил я кляня себя, сетуя в душе, что вариант «гордо умереть» придется опять оставить на потом.

Вошедшие любители загадок установили меня параллельно линии горизонта и поволокли в неизвестном направлении – что характерно, снова ногами вперед. Глаза мне уже не лепили, и я отчетливо различав бетонный потолок коридора, впрочем, обещанного унитаза нигде не было видно. Как только я вновь оказался в вертикальном положении, мне на кумпол прицепили головной убор, напоминающий бейсбольную каску с двумя короткими антеннками, растущими от ушей и походящими на рожки улитки.

– Скажите, а у вас нет такого же, только без рожек?

– Нет. Значит, так, Шрайбикус, руками не хвататься, снимать не пытаться.

– Васек застегнул ремешок у меня на челюсти и дружески похлопал по щеке. – Как только включится свет, время пошло. Часы есть? О, да у тебя «Ролекс»! Давай махнемся, как Жириновский с Брынцаловым.

Махнулись. Да мне и не жалко. У Петродворецкого часового завода тоже не самый низкий рейтинг.

Свет погас. Я почувствовал, как освобождаются мои руки, ноги, язык. Как сладостно заныла правая пятка. Услышал грохот упавших носилок. Я получил трехмерную свободу, но что толку? Когда на башке чирикает часовая пташка, когда игроки в виртуальную реальность через мгновение понесутся по следу с откровенным намерением плюнуть в душу из помпового ружья? Такой свободы я хотел!

И знаете, что сразу вспоминается? Кто хочет сэкономить на малом, проиграет в большом. Заплатил бы я государству честно, без утайки, от чистого сердца эти несчастные тридцать (гражданин, гражданин, а проценты?), ну, тридцать три тысячи долларов, приключилась бы со мной подобная канитель? Да, может, я и лежал бы в том же подвале на носилках, но разве нагрянули бы ко мне эти компьютерные психопаты? Нет. Потому что наши налоги идут на содержание медицины и органов. Медицина при нормальном финансировании давно бы отправила царя и его свиту на стационарный режим, а если бы и не смогла, то органы бы сшили всей компании толстое дельце под названием «Массовые беспорядки в отношении особо ценной личности». Поэтому, товарищи, платите налоги, платите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.